

А.Ю. Перетятко

КАЗАЧЬЯ СОСЛОВНАЯ УТОПИЯ: ЗАМЕЧАНИЯ ХОПЕРСКИХ ДЕПУТАТОВ НА ПРОЕКТ НОВОГО «ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ДОНСКИМ ВОЙСКОМ» В 1863 г.

Статья посвящена общественному идеалу казаков Хоперского округа Земли Войска Донского, характерному для 1860 гг. Основным источником служат материалы работы депутатов от хоперских станиц над новым вариантом проекта «Положения об управлении Донского войска» в 1863 г., найденные автором в фонде Х.И. Попова Государственного архива Ростовской области. Автор показывает, что казачий общественный идеал, несмотря на отдельные элементы, кажущиеся прогрессивными (выборность чиновников, расширение местного самоуправления), по существу предполагал возврат к позднесредневековой общественной структуре и поэтому был утопией, игнорирующей реалии Российской империи второй половины XIX в.

Ключевые слова: донское казачество; общественный идеал донского казачества; «Положение об управлении Донского войска»; Х.И. Попов; преобразования Донского войска 1860 гг.

Рассуждая о переустройстве общества, о возможных реформах, общественные, политические и государственные деятели часто исходят из представлений о некоем идеальном порядке, к которому нужно стремиться. Их представления о «правильном» и «неправильном» общественном устройстве находят отражение в программах политических партий и государственных документах, в газетных статьях и художественных книгах. Заметно реже историки сталкиваются с текстами, сохранившими представления простых людей прошедших эпох об обществе и государстве, в которых они бы хотели жить. А если кому-то и посчастливилось завладеть подобным текстом, то неизбежно возникает следующий вопрос: насколько репрезентативны были представления его автора для других людей, даже принадлежавших к той же социальной группе или сословию?

Когда в 1863 г. донской атаман П.Х. Граббе допустил до составления нового «Положения об управлении Донского войска» депутатов от станиц [1. С. 350–351], едва ли он задумывался над подобными вопросами. Впрочем, возможно, что и задумывался. Современный историк А.А. Волвенко обратил внимание на тот факт, что как раз 21 марта этого года, когда решение генерала утверждалось в Санкт-Петербурге, сам он сделал в своей записной книжке весьма многозначительную и неожиданную для чиновника запись: «Деспотизм имеет на разум нации такое же влияние, как пленение на человека: он делает нацию низкой и порочной. Сколько раз будет она подвержена испытаниям? Воспользоваться уроками политики может только нация, их пережившая, не имея возможности передать свой опыт будущим поколениям» [2. Р. 40]. Не менее любопытна и запись от 1 декабря 1862 г., в которой атаман писал, что «политика всегда будет искусством уступать людским страстям» [Ibid. Р. 40]. При всей неоднозначности этих высоких фраз, в которых вроде бы нет прямых указаний на ситуацию на Дону, трудно не связать их с первой за много лет попыткой узнать мнение представителей станиц о возможных преобразованиях, чтобы с учетом этого мнения хотя бы попытаться скорректировать

правительственную политику. Этот в полном смысле слова демократический проект носил отпечаток личности самого П.Х. Граббе: мы уже отмечали в другой нашей статье, что он в принципе был крайне нетипичным атаманом, отстаивавшим пожелания простого казачества перед имперской властью [3. С. 120–121]. Несмотря на постигшую его в конечном счете неудачу, старый генерал заслужил любовь казаков и уже после отставки отвечал письмо одного казачьего офицера такими трогательными словами: «Тихий закат последних дней моих согрет этим теплым сочувствием до конца любезного мне Дона» [4. С. 749]. Поэтому представляется вполне возможным, что П.Х. Граббе, некогда связанный с декабристским движением [2. Р. 36], включил станичных депутатов в состав комитета, готовившего новое «Положение об управлении Донского войска», не ради успокоения ситуации на Дону или аппаратной борьбы с Военным Министерством, но из самого желания узнать «народную волю», представление простых жителей Дона об общественном идеале.

Следует оговорить, что практика введения представителей от казачества в разного рода комиссии и комитеты, решающие донские дела, не представляла собой чего-то принципиально нового. Однако обычно в роли таких «представителей» выступали назначенные сверху офицеры, к тому же занимающие подчиненное положение по отношению к своим руководителям неказачьего происхождения [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об. – 3]. Но на сей раз дело обстояло иначе. Депутаты для составления нового «Положения об управлении Донского войска» именно избирались, причем отдельно от каждого из станичных обществ, от беспоместных чиновников и от дворян [1. С. 350]. Что еще важнее для темы нашего исследования, судя по сохранившимся архивным документам, представители субсословных групп и заседали отдельно, а станичные представители были еще и разделены по округам. Даже редактирование составленных в итоге сводов замечаний было в некоторых случаях проведено не правительственными чиновниками, но самими депутатами [6. Р. 374].

Если бы все созданные в результате тексты были обнаружены историками, то мы бы обладали уникальным комплексом материалов, при помощи которых можно было бы в полной мере восстановить представления разных субсословных и территориальных групп казаков начала 1860-х гг. об идеальном общественном устройстве. К сожалению, до недавнего времени в научный оборот был вовлечен только неполный свод замечаний на «Положение об управлении Донского войска», составленный депутатами от станиц Хоперского округа [7. С. 20–24]. Однако нам удалось обнаружить в фонде Х.И. Попова Государственного архива Ростовской области полную версию этого интереснейшего документа [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240], а также аналогичный свод замечаний, подготовленный черкасскими станичными депутатами [Там же. Д. 70]. Первый из этих текстов, крайне подробный и детализированный, позволяет установить, каким был общественный идеал простых хоперских казаков начала 1860-х гг. И в своей статье мы попытаемся частично восстановить этот идеал, начав с ключевых вопросов о сословном статусе казачества и его особом положении на территории Земли Войска Донского.

В основе хоперского проекта лежала идея о том, что название «Земля Войска Донского» следует понимать буквально. Современному историку А.А. Волвенко принадлежит смелое предположение, в соответствии с которым в 1870 г. Военное Министерство, переименовав «Землю Войска Донского» в «Область Войска Донского», преследовало символические цели: «При любой интерпретации наименование “Земля Войска Донского”, корнями уходящее в средневековую эпоху расширения московского царства, указывало на принадлежность земли ее владельцу, Войску Донскому, на которой казаки собственно и проживают. Наименование “Область” не подразумевает конкретного владельца, кроме, естественно, царствующей династии, подчеркивает окраинный, присоединенный характер территории, население которой теперь располагалось в *Области*, без монополии на земельную собственность (курсив автора. – А.П.)» [8. С. 22]. Возможно, кому-то такое предположение покажется слишком смелым, но для самих казаков разница между «Землей» и «Областью» была вполне чувствительной. Даже в 1910 г. будущий донской атаман П.Н. Краснов писал: «Само название “Донская область”, “Область Войска Донского” пора заменить старым, так много говорящим казакам, названием “*Земля донских казаков*” (курсив автора. – А.П.)». Б.Н. Корниенко, исследователь донского национализма, однозначно трактует это предложение как «символическое закрепление донских земель за казачеством» [9. С. 101].

И хоперский проект как раз однозначно предполагал, что Земля Войска Донского рассматривается как территория, принадлежащая исключительно донскому казачеству. Показательны уже сами формулировки хоперских депутатов: они считали, что новое «Положение

об управлении Донского войска» должно быть отредактировано с позиций «справедливых польз и желаний казачьего сословия» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 1 об.], а некоторые статьи переданного им на рассмотрение предварительного проекта отвергались исключительно на том основании, что они «составят только лишнее для станиц отягощение» [Там же. Л. 24 об.]. Интересы неказачьих жителей Дона во внимание не принимались вовсе. Так, ходатайство иногородних, просивших, чтобы им разрешили свободно покупать недвижимость на Дону, отвергалось исключительно по той причине, что сами казаки выступили против [Там же. Л. 24–26]. Отсутствуют в тексте и попытки взглянуть на ситуацию сверху, с точки зрения выгод и невыгод государства и региона. И в итоге хоперские депутаты боролись за максимальное расширение традиционных сословных привилегий казачества даже в тех случаях, когда это противоречило тенденциям времени и здравому смыслу. А о том, какие привилегии имели для представителей хоперских станиц наибольшее значение, можно судить из нижеследующего их разбора.

В административном устройстве Земли Войска Донского хоперский проект, на первый взгляд, не предполагал принципиальных изменений в тех властных структурах, которые уже существовали на начало 1860-х гг. В частности, в нем ни словом не упоминалась возможность восстановления Войскового Круга, которая позже неоднократно озвучивалась донскими общественными деятелями [9. С. 93; 10. С. 383–384]. Однако фактически под видом незначительных корректировок текущего порядка хоперские депутаты предлагали полностью перестроить систему управления Донским войском, передав контроль над ней от столичных властей представителям рядовых станичников.

Прежде всего новое «Положение об управлении Донского войска» виделось хоперским депутатам не только административным документом, регулирующим все стороны жизни казачества, но и общественным договором, гарантирующим сословные права казаков. Об этом можно судить по тому, что предлагалось запретить правительству вносить односторонние поправки в этот документ без разрешения казачьих депутатов. Дословно по этому поводу было написано следующее: «Желательно, чтобы в проект положения вписано было, что всякое изменение в положении этом, касательно образа службы, владения землею и других прав и привилегий, дарованных войску Монархами, на будущее время должно согласовываться с участием депутатов всего войска» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 79–79 об.]. К сожалению, более подробно это свое предложение хоперские депутаты не обосновывали, зато это сделали выступившие с аналогичной идеей депутаты от Черкасского округа. Они напоминали правительству о том, что еще недавно донское население было взволновано слухами о грядущих изменениях сложившегося порядка. Воспротив подобные изменения без их утверждения выборными делегатами от казаков, правительство не только

успокоило бы Дон, но и сумело избежать таких ситуаций в отдаленной перспективе [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 2]. В случае реализации этих смелых планов «Положение об управлении Донского войска», первый вариант которого в 1835 г. был навязан донцам насильно и вызвал недовольство даже среди генералов [11. Р. 108–109] стало бы своеобразной донской конституцией, гарантирующей не столько обязанности, сколько права и привилегии казачества.

А важнейшие из этих прав и привилегий должны были быть связаны как раз с административным устройством региона. Хоперские депутаты настаивали на том, чтобы гражданские чиновники, входящие в состав войскового и окружных правлений, избирались не от дворян, но от всего казачьего сословия [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 2–2 об., 68 об.–69]. Инструментом для этого должны были стать земства, очевидно, чисто казачьи по своему составу или имеющие особую казачью курию. При этом долю станичных представителей в земствах предполагалось существенно расширить [Там же. Л. 67 об.], и законодательно зафиксировать, что не менее 50% войскового земского собрания должны составлять станичные депутаты [Там же. Л. 68]. Таким образом, формально не требуя восстановления Войскового Круга, хоперцы де-факто предлагали превратить в него войсковое земское собрание, назначающее чиновников и при этом состоящее в основном из выборных депутатов от станиц.

Впрочем, хоперские депутаты не были уверены, что правительство пойдет на столь радикальную реформу. Уже переданный им для обсуждения проект «Положения об управлении Донского войска» предполагал, что войсковое правление будет избираться от земств, однако в нем не было четко прописано, каким образом должны формироваться сами земства. И поэтому хоперцы опасались, что и земские собрания, и войсковое правление будут состоять из представителей «одного сословия» [Там же. Л. 2–2 об.]. Эта часть текста полностью противоречит остальным, поэтому, как нам кажется, ее нельзя понимать буквально. К тому же само слово «сословие» трактовалось хоперскими депутатами не всегда корректно: так, они объединяли всех лиц, не происходящих из духовенства, в некое «светское сословие» [Там же. Л. 65]. Как следует из контекста, представители хоперских станиц были совсем не против того, чтобы земства были чисто казачьими, но не хотели, чтобы они состояли исключительно из казачьих дворян, которые, видимо, и подразумевались под «одним сословием». В том случае, если правительство не сможет пойти на уступки в данном вопросе, хоперцы предлагали хотя бы включить в войсковое правление депутатов от «всех сословий» [Там же. Л. 2–2 об.]. К сожалению, это высказывание расшифровать труднее: под «всеми сословиями» явно не подразумевались иногородние, о чем мы подробнее напишем ниже, однако трудно сказать, получили бы место в войсковом правлении представители коренных крестьян Дона. На наш взгляд, скорее

нет, а под «всеми сословиями» подразумевались все казачьи субсословия: дворяне и священники казачьего происхождения, торговые казаки и простые станичники.

Реформы местной администрации, разработанные хоперскими депутатами, были достаточно близки к тем, на проведении которых в 1881 г. настаивали члены «комиссии 106», избранные от донских станиц. Правда, последние требовали заменить всесословные земства чисто казачьим Войсковым Кругом, имеющим право на законодательную инициативу, но это различие не должно вводить нас в заблуждение: тот орган, который предлагали создать хоперцы в начале 1860-х гг., не имел с всесословными земствами остальной Российской империи ничего общего и в действительности куда больше напоминал исторический Войсковой Круг. Остальные же предложения этой части «комиссии 106» почти полностью повторяли хоперский проект: так, рекомендовалось «чтобы на все должности гражданские избрать представителей от населения края», «чтобы выборы чиновников на гражданские должности были не по старому Положению 1835 г. (в соответствии с этим документом в выборах чиновников принимали участие только дворяне. – А.П.), а с участием наравне и наших депутатов», «чтобы заведывание войсковыми хозяйственными делами было вручено Хозяйственному Выборному Гражданскому Управлению» и чтобы решение финансовых вопросов происходило с участием «нескольких человек из наших представителей» [10. С. 383–384].

Такое сходство между предложениями двух групп депутатов, избранных от простых казаков с разницей почти в два десятилетия, заставляет нас признать, что вариант местной администрации, описанный в хоперском проекте, действительно представлял собой своеобразный казачий идеал. Хотя он специально не вычленялся и тем более не анализировался исследователями, предложения станичной части «комиссии 106» рассматривались многими позднейшими историками, причем им давалась положительная оценка. Так, С.Г. Сватиков, хотя и осуждал «сословную узость» этих предложений, в то же время утверждал, что их реализация дала бы Дону «широкое самоуправление на началах автономии» [Там же. С. 386]. Известный советский и российский историк А.И. Козлов вообще считал, что между казачьей концепцией Войскового Круга и либеральной концепцией земских собраний не было принципиальной разницы. Он писал по этому поводу: «Земство или войсковой круг – название особой роли не играло. Суть заключалась не в форме, а в содержании» [12. С. 117–118]. Однако, на наш взгляд, ситуация была значительно сложнее. Восстановление Войскового Круга в том виде, каким его представляли простые казаки, было шагом не вперед, к демократическому местному самоуправлению XIX–XX вв., но назад, к сословной системе позднего Средневековья и раннего Нового времени, немного «замаскированной» под современные социальные институты. И без того значительную разницу между казаками и коренными крестьянами

предполагалось дополнительно увеличить, дав первым из них исключительное право выбирать чиновников. Между тем на начало 1860-х гг. доля крестьян среди донского населения составляла уже около 1/3 [13. С. 227]. С учетом специфического отношения казаков к представителям других сословий, о котором мы напишем чуть ниже, закрепление за ними всех гражданских должностей, скорее всего, со временем привело бы к острому конфликту в донском обществе, подобному тому, что наблюдался в годы гражданской войны.

В отношениях с другими сословиями казаки претендовали на исключительные права [14]. Реализация предложений, рассмотренных нами выше, передавала все чиновничьи должности на Дону под контроль представителей казачьего сословия. Однако хоперцам этого было недостаточно. Их не устраивала ситуация с занятием церковных должностей, когда священники из казаков и иногородних обладали равными правами. Дело не ограничилось призывом давать первым преимущество над вторыми (об этом сюжете мы уже писали в одной из своих статей [15. Р. 1402]). Представители хоперских станиц доходили до откровенно дискриминационных, унижающих самое человеческое достоинство идей, например, требуя, чтобы иногородний священник, назначенный в казачью станицу, мог построить в ней не более одного дома, причем земля под этим домом оставалась бы в станичной собственности, чтобы в случае перевода церковнослужитель был обязан продать дом своему преемнику или одному из казаков-станичников. При этом для казаков из других станиц ничего подобного не предусматривалось [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 23–23 об.]. Таким образом, дело было даже не в меркантильных интересах казачества: и в тех случаях, когда станичники не получали от этого реальной выгоды, лица иных сословий должны были явно ощущать себя гостями на казачьей земле.

Если такие правила предлагались для представителей привилегированного сословия, духовенства, то что было говорить о простых чужаках? Купцов и мещан, судя по всему, депутаты предлагали не пускать на постоянное жительство в станицы, не ограничиваясь существовавшим прежде запретом на продажу им недвижимости. «По новому положению о войске Донском для развития местной торговли увеличивается торговое общество из казаков, а для развития ремесла допускаются в станичные ремесленники, с освобождением от службы и с установлением пошлыны, при каковых условиях торговля и ремесла могут развиваться сами собою; допущение же постоянного водворения в станицах иногородних не столько будет способствовать, сколько, напротив, послужит препятствием» [Там же. Л. 25 об.]. После подобной риторики не покажется удивительным, что борьбу с незаконной торговлей, производимой неказачьими купцами и мещанами, хоперцы предлагали возложить не только на чиновников, но и... на их конкурентов из казаков. В Хоперском округе предлагалось создать собрание доверенных от Донского купеческого

округа, важнейшими обязанностями которого объявлялись прием новых торговых казаков, развитие местной торговли и «борьба с иногородними», нарушающими правила этой торговли [Там же. Л. 8 об.–9]. Характерно, что и в этом случае текст носит ярко выраженную ксенофобскую окраску и не предполагает той возможности, что незаконную торговлю могут вести и казаки. Поэтому вполне возможно, что хоперские депутаты понимали, какой опасный инструмент они хотят дать в руки своим одностаничникам-торговцам, разрешив им контролировать конкурентов неказачьего происхождения, но не видели в этом ничего неправильного.

Наказание за покупку недвижимости иногородними на донской земле, по мнению хоперских депутатов, следовало ужесточить. Несмотря на формальный запрет, в начале 1860-х гг. тайное приобретение земли в станицах иногородними не представляло собой чего-то исключительного [16. Р. 944]. И хоперцы, чтобы покончить с подобной практикой, предлагали конфисковывать незаконно построенную недвижимость, причем в пользу станичных властей [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 26].

Мы снова убеждаемся, что предложения хоперских депутатов предполагали получение Землей Войска Донского статуса, уникального для Российской империи, однако теперь видим и то, что в рамках этого статуса представители других сословий, прибыв на Дон, поражались бы в правах. Хоперцы требовали неравенства даже в сферах торговли, религиозной деятельности и, вероятно, образования. Во всяком случае они не выступили против вошедшей в итоговый проект «Положения об управлении Донского войска» статьи, согласно которой и при занятии учительских должностей казаки должны были получать преимущества перед неказачьями. Как ни странно, именно это вызвало особое возмущение министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева, высказавшегося по этому поводу совершенно определенно: «Увлечение к предвзятой идее о замкнутости является неразумным; в ст. 442, на основании коей все должности по учебным заведениям замещаются училищными чинами обоого пола, преимущественно из казачьего сословия. Тут не сделано даже никакой оговорки, следовательно, допускается прямое заключение о преимуществе менее способных, если только они принадлежат к казачьему сословию, над более способными, если последние, по происхождению из уроженцев Империи, не подходят к этому условию» [17. С. 18]. Ограниченные в правах, зависимые от станичных властей, имеющих право выгнать их в любое время, иногородние в большинстве случаев даже не могли бы кому-то пожаловаться на произвол: окружающие и войсковые гражданские должности занимались бы казачьими чиновниками, которые в основной массе разделяли мнение о особом положении казаков.

Нам представляется, что именно здесь следует подробнее остановиться на предположении о потенциальной «конфликтности» предложений хоперских депутатов. Ю.Д. Гражданов отмечал, что с началом

гражданской войны на Дону произошла резкая дифференциация психологии населения – разделение жителей на «своих» и «чужих» (крестьян и казаков) [18. С. 18]. По мнению исследователя, неспособность казачьего правительства наладить диалог с крестьянством стала одной из причин нестабильности красновского режима, и в конечном счете его падения [Там же. С. 236]. Между тем хоперский проект еще за полвека до этого предполагал превращение Земли Войска Донского в чисто казачью в политическом смысле территорию, где сосуществовали бы выборное казачье гражданское правительство и дискриминация неказачьего населения. О каком-либо диалоге с крестьянами, составлявшими, напомним, около 1/3 жителей Дона, хоперские депутаты даже не задумывались. И в этих условиях, при всем различии ситуаций 1860-х и 1910-х гг., именно местное казачье правительство выступило бы в качестве силы, угнетающей священников и купцов невойскового происхождения, коренных крестьян и иногородних на фоне явного расширения прав казачества. Избежать конфликтов при этом едва ли представлялось возможным.

Впрочем, ко второй половине XIX в. донское казачество уже разделилось на несколько субсословных групп, и отношение станичных депутатов как минимум к одной из этих групп, к донским дворянам, было очень неоднозначным. Историками отмечалось, что основная масса казачьего населения в начале 1860-х гг. негативно относилась к желанию части помещиков свободно продавать полученные от войска земли, причем недовольство донских общественных деятелей по этому поводу находило поддержку у начальника штаба Донского войска, князя А.М. Дондукова-Кораскова [19. Р. 25–33]. Однако хоперские депутаты шли еще дальше, открыто и публично противопоставляя «корыстные устремления» этой части дворянства интересам всего казачьего сословия. Их высказывание на эту тему настолько интересно, что мы приведем его целиком: «Мнение помещиков, желающих продавать иногородним земли, полученные ими от войска в виде дара, с таким же ограничением, которое положено и теперь, *основано на одних видах личной их выгоды и противоречит общему праву на владение землями Войска Донского* (курсив мой. – А.П.)» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 16 об.]. Иными словами, и в этом случае во главу угла ставились желания «казачьего сословия», т.е. большинства простых станичников, а интересы даже иных казачьих субсословий должны были отойти на второй план.

Этим противопоставление донских дворян и простых станичников в хоперском проекте не ограничивалось. Нами уже разрабатывался сюжет о том, как хоперские депутаты требовали свободно допустить детей из простых казачьих семей до обучения в школе урядников в Санкт-Петербурге на том основании, что она финансировалась за счет денег от всего войска, а уже несколькими страницами ниже они же просили принимать девочек из таких семей в «Донской институт для девиц», ни словом не упомянув о том факте, что он

содержится за счет особых пошлин и пожертвований с дворянства [20. Р. 823]. Еще важнее то, что в хоперском документе была отвергнута идея, в соответствии с которой право участвовать в земских окружных собраниях получили бы только лица, имеющие доход с недвижимости не менее 500 руб. в год. Депутаты вообще сначала хотели допускать до работы в земских собраниях «всех имущих казаков», и только позднее согласились на ценз в размере 100 руб. ежегодного дохода [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 67–67 об.]. К сожалению, мы не владем информацией о том, насколько эти цифры соотносятся с доходом жителей Хоперского округа в начале 1860-х гг. Однако в следующем десятилетии известный донской экономист И.В. Тимошенко досконально изучил состояние хозяйств Урюпинской станицы этого округа. И, по его сведениям, даже беднейшее из казачьих хозяйств в станице имело ежегодный доход, равный 145 руб. 50 коп. Среднее же хозяйство зарабатывало 268 руб. [21. С. 35]. Если считать эти цифры относительно репрезентативными и для интересующего нас периода (а за прошедшие годы не наблюдалось ни стремительного обогащения, ни стремительного обеднения казачьих хозяйств), то выходит, что отвергнутое хоперскими депутатами предложение наделить пассивным избирательным правом в важнейший орган, назначающий донских чиновников, только дворян и богатейших казаков, а хоперский проект открывал земские собрания для большинства представителей казачьего сословия, кроме самых бедных.

Мы еще вернемся к конфликту между рядовым казачеством и донским дворянством, когда будем говорить о предусмотренной хоперским проектом реформе землепользования. Завершить же эту часть нашей статьи будет уместно указанием на то, что предложения представителей от хоперского округа снова очень напоминали идеи, высказанные избранной от станиц частью «комиссии 106». И в 1881 г. простые станичники четко противопоставили себя донскому дворянству, выступив со следующим заявлением: «Мы зависим от доброй воли господ землевладельцев, и она очень часто обращается в произвол». Возмущение станичных депутатов вызывало и то, что выборные должности в земствах (гражданские чиновники к этому времени уже назначались), несмотря на формальную доступность для казаков, де-факто были захвачены помещиками: «Самые умные, честные, и даже первые старики не решаются быть гласными, и приходится замещать в гласные господ офицеров» [10. С. 385]. Противниками казачества, менее полезными для государства, были объявлены и крестьяне: «Крестьян потому считаем мы против себя, что с ними у нас интересы противоположные и, сказать по правде, согласия между нами никогда не было, а главное, они зависят от помещиков и военную службу несут далеко меньшую» [Там же. С. 384–385]. В итоге представители станиц в «комиссии 106» приходили к выводу, что желания казачьих дворян и крестьян часто совпадали и противостояли собственно казачьим интересам:

«Крестьяне никак не могут быть в земских собраниях на стороне наших интересов, когда таковые сталкиваются с помещичьими интересами» [10. С. 385]. Таким образом, предложение части членов этой комиссии заменить земства войсковым кругом было связано не только с надеждой на восстановление местного самоуправления, но и с желанием провести смену элит на Дону, передав частичный контроль над местной администрацией от дворян станичным депутатам.

В земельном вопросе казаки настаивали на общевойсковой собственности донской земли. Мы снова позволим себе обратиться к проекту черкасских депутатов, поскольку в нем при большей краткости содержится мотивировка некоторых идей, которые хоперцы обосновывали только желанием казачества. Черкасские депутаты прямо писали: «*Земли войска Донского принадлежат в собственность не одному какому-либо сословию (речь идет о частных владельцах из дворян. — А.П.), но всему войску (курсив мой. — А.П.)*» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 5]. Их хоперские коллеги не выносили подобную мысль в отдельное предложение, но, как следует из приведенной в предыдущем части нашей статьи цитаты, исходили из принципа «общего права на владения землями Войска Донского» [Там же. Д. 240. Л. 160б]. Как же конкретно должны были реализовываться эти общие положения?

Прежде всего, депутаты требовали, чтобы на Дону не было частной собственности на землю, а продажа участков иногородним запрещалась [Там же. Л. 16–16 об.]. Однако этот сюжет уже достаточно раскрыт в современной историографии [17. С. 17–18], и поэтому мы не будем на нем останавливаться. Куда более любопытен тот факт, что представители хоперских станиц жаловались на недостаток земли и требовали провести ее масштабное перераспределение. В исторической литературе господствует мнение о том, что в 1860–1870-х гг. «благосостояние донских казаков, несмотря на проводимые реформы, являлось чуть ли не эталонным» [8. С. 55]. Да и сами казаки последующих поколений рассматривали период до 1870-х гг. как время экономического благополучия [22. С. 1]. Однако в действительности те проблемы, которые позднее привели к острому экономическому кризису казачества, начали намечаться уже с 1850-х гг. Прежде всего это относится к обезземеливанию. Как жаловались хоперцы, при уже межевании станичной земли в 1848–1858 гг. власти исходили из численности населения станиц на 1837 г., в то время как в действительности оно сильно возросло. В результате при определении границ юртовых земель размеры территории, приходящейся на казачий пай, почти никогда не достигали положенных 30 десятин, а и к 1860-х гг. в некоторых станицах упали до 20 десятин из-за дальнейшего роста населения [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 12 об.–13]. Депутаты признавали, что и имеющиеся участки вполне достаточны для поддержания благосостояния казачьих семей, однако требовали расширения всех юртов до положенных им границ. Мотивировали они это

тем, что не стоило дожидаться времени, когда благосостояние станиц начнет приходить в упадок из-за малоземелья, но следовало принимать меры немедленно [Там же. Л. 13 об.]. В подобной мотивировке была изрядная доля лукавства: Военное министерство понимало проблему и предлагало в том случае, если размер юрта падал до опасных пределов (менее 20 десятин на взрослого казака мужского пола), увеличивать его до положенных размеров за счет войсковых земель [Там же. Л. 12–12 об.]. Однако депутатов это не устраивало, и они требовали все, положенное им по закону, исходя из того, что все юртовые наделы должны быть доведены до положенных им размеров немедленно [Там же. Л. 13 об.].

Между тем свободных земель в Хоперском округе было явно недостаточно для проведения подобного мероприятия. Но представители станиц видели выход из положения, столь оригинальный, что мы воспроизведем их слова целиком. «По изложенным выводам мы, при всем нашем уважении к заслугам Благородного Дворянства Войска Донского и желании содействовать возможному обеспечению настоящего и будущего положения его, в необходимости находимся сказать, что отвод в потомственное пользование беспоместным и малопоместным чиновникам земель из запасов неизбежно поставляет станичные общества в стеснительное положение, тем более что для частных наделов необходимы земли более удобные, и затем могут оставаться запасы самые невыгодные и недостаточные по количеству земли» [Там же. Л. 31–31 об.]. Речь шла, ни много ни мало, об уничтожении донского помещичьего землевладения! Более того, заплатить за это уничтожение должны были сами помещики: предлагалось обложить их земли дополнительными налогами, за счет которых был бы сформирован особый капитал для выплат донским чиновникам и офицерам. Как только этот капитал достиг бы необходимых размеров, раздачу срочных участков следовало прекратить, а уже полученные донскими дворянами земли начать конфисковывать, заменяя денежными выплатами [Там же. Л. 32–33 об.]. Как видим, хоперский проект был даже более суров по отношению к донским помещикам, чем по отношению к иногородним: земли, полученные предками дворян за заслуги, предлагалось отобрать, чтобы решить проблемы простых станичников. Важно отметить, что подобные радикальные идеи разделялись не всеми казаками, но все же были характерны не только для Хоперского округа: черкасский проект не содержит подобных идей, но отобрать землю у помещиков и передать ее станицам предложили также усть-медведицкие депутаты [Там же. Л. 31 об.–32].

Аналогичному разгрому должны были подвергнуться и войсковые земли специального назначения. Представители хоперских станиц были уверены, что ни войсковой конный завод, ни войсковые леса не приносят серьезной пользы. Поэтому следовало, не пытаясь улучшить их работы, передать отведенные под них

участки ближайшим станицам [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 27–28 об.]. Любопытно, что и здесь не обошлось без ксенофобских высказываний: особого возмущения удостоились лесничие за то, что они нелегально сдавали прилегающие к лесам пахотные земли и сенокосы «даже иногородним» [Там же. Л. 27 об.].

Таким образом, территории донских станиц предполагалось максимально увеличить, причем за счет участков, иногда уже несколько десятилетий находящихся в пользовании казаков, относящихся к дворянскому сословию, или войсковых властей. С учетом этого факта не стоит считать, что в конфликте рядового казачества и донского дворянства были виноваты исключительно дворяне. Важно оговорить и то, что станицы едва ли получили бы от реализации этой части хоперского проекта какую-либо выгоду. Дело в том, что многоземелье на Дону доходило до того, что до 1860 г. во всех донских станицах земля по старинке запахивалась свободно, исходя из того, сколько мог обработать каждый хозяин [13. С. 249], и даже в 1874 г. ее правильный раздел проводился только в 40 станицах из 110 [23. С. 10]. Впрочем, возможно, самое яркое доказательство избыточности юртовых участков содержит сам документ, подготовленный хоперскими депутатами. В нем отмечалось, что если около межи между двумя станицами с обеих сторон находились хутора, принадлежащий их хозяевам скот часто заходил на участки чужих станичников, что неизбежно порождало конфликты. Чтобы решить эту проблему, депутаты предлагали... полностью выводить из использования квадратную версту по меже, запрещая ведение хозяйства на ней [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 82 об.–83]. Очевидно, что, если предлагалось оставлять простаивающими такие огромные участки, земля на Дону еще не имела реальной ценности, а борьба за доведение станичных юртов до положенной пропорции представляла собой принципиальную борьбу за привилегии, а не за решение реальных проблем казачества.

Однако даже предложенных хоперцами мер было недостаточно для доведения всех станичных юртов до пропорции в 30 десятин на душу. Дело в том, что при некоторых из этих юртов просто не было свободной земли. Но и тут был предложен выход, пусть на первый взгляд и достаточно странный. Было предложено передавать станицам «чересполосные участки», не придавая большого значения их географическому расположению. Столь неортодоксальное решение станет понятным, если обратить внимание на то, что переданные станицам таким образом территории предполагалось использовать главным образом для выпаса станичных табунов [Там же. Л. 13 об.–14]. Более того, депутаты заявляли, что «для пользы целого общества (станичного. – *А.П.*) первое всего нужны пастбища для табунов» [Там же. Л. 15]. И действительно, как раз в 1863 г. известный донской статистик Н.И. Краснов писал: «Хлебопашество у казаков находится во младенческом состоянии. Казак охотнее выбирает более легкие промыслы: скотоводство,

овцеводство, виноделие, рыболовство и торговлю, и только в бедных угодьями и запасною землею округах Усть-Медведицком и Хоперском казаки стали обращать внимание на земледелие» [13. С. 248]. Генерал Н.А. Маслаковец приводил и конкретные цифры: по его сведениям, в середине XIX в. казацкие семейства запахивали в среднем не более 5 десятин [14. С. 3]. Таким образом, лишь небольшая часть станичных юртов использовалась для земледелия: основной их массив отводился для скотоводства. И вариант, предложенный хоперскими депутатами, в этих условиях имел право на жизнь и был самым простым способом в полной мере реализовать зафиксированные в законодательстве казацкие привилегии.

Как ни странно, и эти на первый взгляд логичные предложения фактически тянули Донское войско назад в прошлое. Обеспечение казаков участками в 30 десятин обрекало Дон оставаться крайне малонаселенным регионом. Все тому же Н.И. Краснову принадлежат расчеты, согласно которым, если бы плотность населения Земли Войска Донского соответствовала хотя бы приуральским губерниям, на Дону жило бы 1 400 671 душ мужского пола против 468 331 в действительности [24. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 134–135]. Не остановившись на этих вычислениях, статистик написал целое исследование о невыгодности казацкой системы службы в экономическом отношении, недавно опубликованное нами [25–27]. А из самих рассуждений хоперских депутатов видно, что они считали нормой и выведение из хозяйственного оборота обширных земельных участков, и преобладание скотоводства над земледелием. С этой точки зрения важно не столько то, что они предлагали увеличивать и так избыточные площади, приходящиеся в станицах на душу населения, сколько то, что ими был разработан реальный механизм, введение которого в жизнь значительно замедлило бы процесс казачьего обезземеливания за счет передачи станицам большей части войсковых земель. И развитие сельского хозяйства на Дону еще больше затормозилось бы из-за полного сохранения традиционного казачьего пренебрежения к тяжелой сельскохозяйственной работе, сложившегося в условиях архаичного пограничья [16. Р. 941–942].

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что и в области перераспределения земли хоперский проект был близок к предложениям избранных от станиц членов «комиссии 106». Эта комиссия вообще-то не должна была заниматься земельным вопросом, но это не помешало входящим в ее состав станичникам выразить свое неудовольствие тем, что «состоявшийся закон о наделе казаков землею до тридцатидесятиной пропорции не приведен в исполнение с 1869 г., несмотря на неоднократное настоятельство населения» [10. С. 384]. Впрочем, более детально в земельную проблему члены «комиссии 106» вникать не стали, вернувшись к разрешению вопросов местного самоуправления.

Как видно из всего вышеизложенного, хоперские депутаты хотели, чтобы российское законодательство

зафиксировало на Дону своеобразную казачью «сословную утопию». Они выступали за автономию и самоуправление, но не Земли Войска Донского как региона, а донского казачества как сословного института, владеющего этим регионом. Соответственно, как политические, так и экономические привилегии простые казаки должны были получить за счет максимального ограничения как полномочий имперских властей, так и прав и возможностей других сословий на донской территории. От реализации хоперского проекта пострадала бы даже местная войсковая администрация, а также те представители казачьего сословия, которые выделялись из общей массы простых станичников.

Казачий общественный идеал представлял собой шаг назад, к сословной демократии позднего Средневековья, когда привилегированное положение и самоуправление одних сословий соседствовали с полным бесправием других. Казаки хотели не только свободы и благополучия для себя, но и права контролировать остальное население Дона, запрещая иногородним священникам полноценно приобретать дома в станицах, лично борясь с незаконной торговлей российских купцов и мещан, а также изгоняя иногородних простым решением станичных властей. Эти предложения гармонично сочетались с идеей, в соответствии с которой гражданское чиновничество должно было быть выборным, но выборным исключительно от казачества.

Вопросы о том, как такое устройство будет сочетаться с законами Российской империи, хоперских депутатов не интересовали. Не волновал их и вопрос о том, как в изменившихся условиях будет функционировать лишенная важных источников дохода и поставленная в зависимость от станичных депутатов войсковая администрация. Нам представляется уместным процитировать Н.И. Краснова, который, выступая против сторонников идей сохранения казачьих привилегий, задавал им вопрос: «Справедливо ли не указать мер для благоденствия временнообязанных крестьян, этой трети населения донской земли, предки которых носили иногда славное имя малороссийских или запорожских казаков?» [13. С. 232]. Военный министр Д.А. Милютин, получив разработанный с участием хоперских депутатов проект нового «Положения об управлении Дон-

ского войска», был лаконичен и суров: «Новочеркасский комитет представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве» [28. С. 184–185]. Но, возможно, самым емким образом сформулировал важнейший недостаток всех проектов переустройства Дона, исходящих от станичных властей, новочеркасский прокурор А.А. Чигринцев: «Казаки находят, что они оказали “России” такие чрезвычайные услуги, за которые на вечные времена должны пользоваться исключительно благоприятным положением в государстве» [29. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 4 об.].

Именно поэтому казачий общественный идеал представлял собой утопию: шансы на его реализацию в условиях Российской империи второй половины XIX в. стремились к нулю, причем не только из-за нежелания имперского правительства делиться полномочиями с местным выборным самоуправлением, но и потому, что при всем своем несовершенстве Россия Александра II и Александра III уже не была средневековым государством и не могла позволить столь открыто нарушать права всех прочих сословий ради одного казачества.

Однако казаки, избранные депутатами от станиц, раз за разом возвращались к своему общественному идеалу, когда Военное министерство пыталось ввести их в комиссии и комитеты. Мы уже показали, что между предложениями хоперских депутатов в 1863 г. и станичных депутатов в «комиссию 106» в 1881 г. было много общего. А в 1899 г., когда генерал Н.А. Маслаковец возглавил комиссию, созданную для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Войска Донского, ее избранные от станиц члены А.А. Донецкий и В.Я. Бирюков выступили с некоторыми предложениями, предусмотренными и хоперским проектом [14. С. 1–11]. Безусловно, с течением времени казачий общественный идеал несколько трансформировался, да и представители разных округов могли не сходиться в деталях. Однако обобщающие идеи о превосходстве казачества над другими сословными группами, проживающими на Дону, и об особой, исключительно казачьей принадлежности территории Земли Войска Донского господствовали среди станичников всю вторую половину XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснов И.И. Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского // Русский вестник. 1865. Т. 58. С. 329–351.
2. Volvenko A.A. Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s – 1870s) // Russkaya Starina. 2017. 8 (1). P. 34–54.
3. Перетяцько А.Ю. «Мы ненавидим всю силу нашего сердца рабский произвол, который царствовал во всех частях Вашего управления»: о причинах непопулярности атамана М.И. Черткова на Дону // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 118–127.
4. Граббе П.Х. Записная книжка графа П.Х. Граббе. М., 1888. 750 с.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО).
6. Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms // European Journal of Contemporary Education. 2017. № 6 (2). P. 367–377.
7. Волвенко А.А. Нереализованный проект Положения о войске Донском // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 20–24.
8. Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов н/Д., 2017. 226 с.
9. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
10. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.

11. Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – “the Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 15, is. 2. P. 106–114.
12. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 95–125.
13. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
14. Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донуцкого. Новочеркасск, 1899. 11 с.
15. Peretyatko A.Y. “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II // Bylye Gody. 2017. Vol. 46, is. 4. P. 1401–1415.
16. Peretyatko A.Y. “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I // Bylye Gody. 2017. Vol. 45, is. 3. P. 937–948.
17. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 12–20.
18. Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов н/Д., 2015. 240 с.
19. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol. 13, is. 1. P. 19–37.
20. Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // European Journal of Contemporary Education. 2017. № 6 (4). P. 817–829.
21. Тимошенков И.В. Урюпинская станица и прилегающие к ней местности. Новочеркасск, 1875. 71 с.
22. Бирюков В.Я. Доклад члена Комиссии В.Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск, 1899. 13 с.
23. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону : материалы для обычного права. М., 1885. Вып. 1. 432 с.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
25. Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // Russkii Arkhiv. 2016. Vol. 14, is. 4. P. 301–320.
26. Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. Part II // Russkii Arkhiv. 2017. Vol. 5 (1). P. 33–51.
27. Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. Part III // Russkii Arkhiv. 2017. Vol. 5 (2). P. 142–158.
28. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. 696 с.
29. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Peretyatko Artyom Y. Joint Laboratory of the International Network Center for Fundamental and Applied Research (Washington, USA) and Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

THE COSSACK ESTATE UTOPIA: COMMENTS OF KHOPEL DEPUTIES ABOUT THE NEW DRAFT OF “REGULATION OF THE ADMINISTRATION OF THE DON HOST” IN 1863

Keywords: Don Cossacks; social ideal of Don Cossacks; “Regulation of the administration of the Don Host”; H.I. Popov; reforms of the Don Cossacks in 1860s.

The social ideal of ordinary Cossacks of the second half of the XIX century has not attracted the attention of historians. This fact is determined by the specifics of the source base: it is difficult to reliably and explicitly identify the social ideal of the illiterate rural population in a state in which there were no representative authorities. But we found in the State archive of the Rostov region materials of the work of deputies from the Khome villages on a new version of the draft of “Regulation of the administration of the Don Host” in 1863. We will compare this detailed text with the information about the work of village deputies in other election commissions and try to restore some aspects of the Cossack social ideal.

In the article we show that deputies perceived the name “The Land of the Don Army” literally. They believed that the territory of the Don possess to the Cossacks. This was manifested in three spheres: the local administrative structure, the estate structure of society and the land tenure system. In the opinion of the Khome Cossacks, civil officials were to be elected, but exclusively from the Cossack class and a majority of votes to be given to the cadet deputies. The rights of non-Cossack estate groups in the Don and subestate groups of the Cossacks, who stood out from the mass (the Don Nobility and the Don Kalmyks), should seriously cut back in favor of ordinary Cossacks. Finally, the Don land should have literally possessed to the Don Host, and individual people could only be its temporary users. The deputies demanded a redistribution of land, the destruction of landlordism and the increase of the village yurts to the size of thirty tithes per capita. The new “Regulation of the administration of the Don Host” was to become unusual “Cossack Constitution”. Its text was supposed to legislate these changes. It would be impossible to make any correctives to this text without the permission of the Cossack deputies.

Social ideal of Cossacks contained some elements that seem progressive (elected officials, development of local self-government), but in general it is anticipated return to the late medieval social structure and, therefore, was the utopia that ignored the realities of the Russian Empire in the second half of the XIX century. At the same time, it was quite stable, and it was defended by elected representatives from the villages in a many public commissions in 1860–1890, which hampered the dialogue between the Cossacks and the government.

REFERENCES

1. Krasnov, I.I. (1865) Bespomestnye i melkopomestnye chinovniki voyska Donskogo [Incompetent and petty officials of the Don army]. *Russkii vestnik*. 58. pp. 329–351.
2. Volvenko, A.A. (2017) Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s – 1870s). *Russkaya Starina*. 8(1). pp. 34–54.
3. Peretyatko, A.Yu. (2017) “My nenavidim vseyu siloyu nashego serdtsa rabskiy proizvol, kotoryy tsarstvoval vo vsekhn chastyakh Vashego upravleniya”: o prichinakh nepopulyarnosti atamana M.I. Chertkova na Donu [“We hate with all the strength of our heart the slavish tyranny that reigned in all parts of your government”: the reasons for the unpopularity of Ataman M.I. Chertkova on the Don]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – Tomsk State University Journal of History*. 48. pp. 118–127. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/48/20
4. Grabbe, P.Kh. (1888). *Zapishnaya knizhka grafa P. Kh. Grabbe* [Notebook of Count P.H. Grabbe]. Moscow: M.G. Volchaninov.
5. *The State Archive of Rostov Region*.
6. Peretyatko, A.Y. & Zulfugarzade, T.E. (2017) Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2). pp. 367–377. DOI: 10.13187

7. Volvenko, A.A. (2006). Nerealizovannyi proekt Polozheniya o voyske Donskom [The unrealized draft of the Regulations on the Don Army]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza - Scientific Thought of Caucasus*. 1. pp. 20-24.
8. Volvenko, A.A. (2017). *Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskiy period (II pol. XIX – nach. XX vv.)* [Essays on the History of the Don Cossacks in the late imperial period (the 2nd half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-on-Don: [s.n.].
9. Kornienko, B.S. (2013). *Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)* [Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. St. Petersburg: European University.
10. Svatikov, S.G. (1924). *Rossiya i Don (1549 – 1917 gg.)* [Russia and the Don (1549 – 1917)]. Belgrad: [s.n.].
11. Volvenko, A.A. (2015). Chebotarev A.P. – “The Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. 15. pp. 106–114. DOI: 10.13187/hhct.2015.15.106
12. Kozlov, A.A. & Kozlov, A.I. (2000). Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposhcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka [The imperial policy of statehood, militarization and enslavement of Cossacks in the 19th and early 20th centuries]. In: Urusova, M.N. et al. *Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee* [Cossacks: the past and the present]. Volgograd: [s.n.]. pp. 95–125.
13. Krasnov, N.I. (1863). *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo* [Materials: for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Land troops Don.]. St. Petersburg: [s.n.].
14. Maslakovets, N.A. (1899). *Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Donutskogo* [The views presented by the Chairman of the Commission on the reports of Messrs. Mordvintsev, Biryukov and Donitsky]. Novocherkassk: [s.n.].
15. Peretyatko, A.Y. (2017). “Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II. *Bylye Gody*. 46. pp. 1401–1415.
16. Peretyatko, A.Y. (2017). “Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. 45. pp. 93–948.
17. Krasnov, N.I. (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoy politike epokhi “Velikikh reform”. (1860–1870 gg.) [The Don Cossacks in the government policy of the “Great Reforms”. (1860–1870)]. *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk - Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 3. pp. 12–20.
18. Grazhdanov, Yu.D. (2015). *Vsevelikoe Voysko Donskoe v gody Grazhdanskoy voyny (1918-1919 gg.)* [The Great Don Army during the Civil War (1918–1919)]. Rostov-on-Don: Antei.
19. Volvenko, A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I [Cossackmania. The Don Case (1860). Part I]. *Russkaya Starina*. 13. pp. 19–37.
20. Peretyatko, A.Y. & Zulfugarzade, T.E. (2017). Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4). pp. 817-829. DOI: 10.13187/ejced.2017.4.81
21. Timoshchenkov, I.V. (1875). *Uryupinskaya stanitsa i prilegayushchie k ney mestnosti* [Uriupinsk stanitsa and adjacent areas]. Novocherkassk: [s.n.].
22. Biryukov, V.Ya. (1899). *Doklad chlena Komissii V.Ya. Biryukova o vliyaniy voinskoy sluzhby donskikh kazakov na ikh khozyaystvennyy byt* [Biryukov about the influence of the military service of the Don Cossacks on their economic life]. Novocherkassk: [s.n.].
23. Kharuzin, M.N. (1885). *Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava* [Information about the Cossack communities on the Don: materials for customary law]. Moscow: [s.n.].
24. The Russian State Military Historical Archive.
25. Peretyatko, A.Y. (2016). N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. *Russkii Arkhiv – Russian Archive*. 14. pp. 301–320. (In Russian). DOI: 10.13187/ra.2016.14.301
26. Peretyatko, A.Y. (2017a) N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. Part II. *Russkii Arkhiv – Russian Archive*. 5(1). pp. 33–51.
27. Peretyatko, A.Y. (2017b) N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. Part III. *Russkii Arkhiv – Russian Archive*. 5(2). pp. 142–158.
28. Milyutin, D.A. (2005). *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1865–1867* [Memories of General-Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865–1867.]. Moscow: ROSSPEN.
29. Department of Manuscripts of the Russian National Library.